

Дневник Черного монаха
Евгений Трубицин

© 2016 Евгений Трубицин
Дизайн и оформление: Евгений Трубицин
Сайт автора: www.de-trening.ru

Пролог

Я совсем окоченел и переминался с ноги на ногу, когда автобус наконец-то подъехал. Предвкушая теплую, спокойную обстановку в салоне, я взбежал по железным, кое-где проржавевшим ступенькам и уселся на одно из множества свободных мест. Несмотря на то, что мне удобно было сидеть в тусклом свете грязных ламп этой скрипучей железяки, мной овладело минус-время.

Минус-время — название, которое я дал довольно распространенному, мне думается, явлению.

Представь. Просыпаешься. Быстро завтракаешь, толком не чувствуя вкуса. Одеваешься и чуть ли не бегом устремляешься на остановку. Мучительно ждешь автобус. Едешь и клюешь носом, не позволяя себе окончательно отрубиться. Выходишь на холод и проклиная все на свете, тем же быстрым шагом ковыляешь на работу, наблюдая унылые, не выспавшиеся лица окружающих. На протяжении всех этих действий ты толком ничего не видишь и не ощущаешь, кроме раздражения и невыносимой скуки. Не получаешь каких-то значимых впечатлений. Память вместе с изможденным сознанием вообще, как правило, отключаются, отдавая тебя целиком на милость автопилоту. Тебе не просто скучно, а иногда даже противно. Ты с нетерпением ждешь, когда же закончится это время. Минус-время. Время, которое ты с радостью бы пропустил, выкинул к чертям из своей жизни. Но снова приходишь на работу. Сидишь, изнемогая, до обеда, потом набиваешь брюхо чем попало в людной и шумной столовке. Ешь, стараясь не привлекать к себе внимания, ведь тебя давно тошнит от всех этих людей с услужливыми лицами, с лживыми улыбками и их вежливой, бесцельной болтовней. Возвращаешься после обеда и все становится только хуже. Тебя разморило и серьезно тянет в сон. И здесь требуются недюжинные усилия. Ты садишься на свое высокое кресло из кожзаменителя. Пялишься на экран, старательно изображая напряженную мыслительную деятельность. Кое-как досиживаешь до шести и как ракета вылетаешь из этого, проклятого бесконечной скукой, места. Все это мерзкое минус-время, которое хочется стереть и забыть. Досадная необходимость. Но говорят — нужно работать, нужно на что-то жить. Как странно, большинство из нас должны вкалывать с утра до вечера на ненавистой работе. Как все-таки это чертовски странно. Ну ничего, другие терпят и я смогу.

Еду домой. Вхожу в свою серую, крошечную комнату. Но несмотря на всю ее убогость я рад. Нет, даже счастлив. Свершилось! Теперь я начинаю жить, ведь минус-время кануло в пустоту, сгнило, почти не оставив следа в памяти. Радостно ем, наслаждаясь каждым кусочком. Ничего не остерегаюсь, не ловлю на себе непонятных взглядов еле знакомых людишек. О счастье! Я наконец-то один. Пью обжигающе горячий чай с двумя ложками белого как вата сахара. Читаю книгу, развалившись на крошечном уютном диване. Это мое время. Только ради него я терплю эту жизнь.

Жаль, но с утра все начинается по новой. Встаю в шесть утра и запикивая в себя

очередную порцию омлета, начинаю ждать вечера. Когда я смогу придти домой и расслабившись, буду развлекаться и отдыхать. Правда, зачастую приключалась другая напасть — примостившись на диване после тяжелого «трудового дня», я включал какой-нибудь фильм. Я всегда предпочитал фантастику, ведь в ней нет этого убого и серого мирка, где годами ничего не происходит. Но ее всегда мало и я старался смаковать каждый такой фильм, смотря его десятки раз. Но от усталости я не то что смотреть не мог, у меня даже мысли в голове не копошились. Сколько раз я просыпался посреди фильма, не запомнив ни черта из того, что только что смотрел.

Несправедливо. Вкалываешь, терпишь это ужасное минус-время, а затем даже не можешь получить, причитающееся тебе по праву, удовольствие.

Сегодняшний день обещал быть таким же как всегда: серым, тягостным и пустым. Но вечером произошло событие, разрушившее привычный ход моих будней.

...

Я очнулся от мыслей, когда полупустой автобус подъехал к переезду. До дома оставалось всего каких-то минут пять, но поезда могли продлить это время на добрый час, если не больше. За то я их и ненавижу. И поезда, и переезд, и людей, которые эти поезда пустили поперек единственной проезжей части. Сидел я, по обыкновению, у окна, уставившись в сумрак промозглого вечера. Завывал ветер, проникая сквозь потрепанную обшивку старого Уаза. Хорошо я был одет по погоде. В синий допотопный пуховик. Потертый, но все же теплый. Мне было терпимо и даже в чем-то приятно. Вообще я любил вечерние поездки домой. Но любил я их только тогда, когда переезд оставался открыт.

Я начал ерзать из стороны в сторону, стараясь рассмотреть приближающийся поезд и почувствовать локтем какой-то объект. Это была новенькая, толстая тетрадь с черной кожаной обложкой. Как я ее не заметил за двадцать минут пути? Не знаю. Спасибо «дорожному трансу». Ехал, все время пялясь в окно. Но видел лишь несвязные образы прямоком из памяти, приправленные скучным воображением. Да, в дороге я всегда утопал в бесконечных, ни к чему не ведущих, мыслях.

Я осторожно поднял тетрадь. Почему-то мне показалось, что в ней могут быть какие-то вырезки или вкладыши. Я представил, что поднимаю ее и на весь салон из-за несвоевременного порыва ветра разлетаются во все стороны разноцветные бумажки с изображением каких-то людей и зданий. Пассажиры неодобрительно смотрят на меня, а кондуктор грубым и нахальным голосом требует, чтобы я устранил все это безобразие.

Ничего подобного, конечно, не произошло. Тетрадь не содержала в себе скрытых секретов. Лишь обычный текст, без каких-либо зарисовок или картинок. Я сразу догадался, что это чей-то дневник. Быстро пролистав страницы до конца, я не обнаружил каких-то подписей или имен. По крайней мере при беглом осмотре они не попались мне на глаза. Вернувшись к самой первой странице, я присмотрелся.

Буквы были чистыми без клякс и подтеков. Тетрадь не имела ни клеток, ни разлиновки и человек писавший этот текст, иногда косил то вверх, то вниз. Тем не менее почерк был вполне читаем.

От моей находки меня отвлек пронзительный гудок приближающегося паровоза, сулившего мне скорое возвращение домой. Я почувствовал легкую радость и вернулся к тетради. Первая запись начиналась со странного заголовка «Знак силы». Уставившись в тетрадь изо всех сил — в салоне было, что глаз выколи — я начал читать.

« Делай только то, что действительно хочешь. Не трать время на глупости и тусклые развлечения. Цени каждую секунду, ведь ты не знаешь, сколько их осталось.

Скука — самое страшное, скрытое зло. Если тебе скучно, ты явно делаешь что-то не то. Например, думаешь. Скука рождается из мысли. Мысль рождается из необходимости или по ошибке.

Мысль по необходимости говорит о том, что ты в нужде. Твое тело. Или твой дух. Мысль по ошибке искажает факты, изменяет реальность. А иногда и медленно убивает тебя. Скука — один из медленных способов самоубийства.

Ищи корень навязчивых мыслей. Если не найдешь, ум никогда не успокоится. Ищи, почему ты думаешь раз за разом. Думаешь без цели. Без желания.

Чтобы найти, нужно очень захотеть. Нужно всерьез задаться этим вопросом, словно от этого зависит твоя жизнь. Словно тебя подвесили на петле и потребовали ответ. Пойми или умри.

Но хотеть тоже нужно уметь. Желание делает тебя слабее. Запомни — желание возникает само, без твоей воли. Намерение же — твое создание. Желание тянет тебя к чему-то. Намерение показывает путь. Идешь же сам. Если имеешь волю идти.

Желание не удовлетворяясь, доставляет боль. Намерение — хладнокровно. Желай и сразу делай. Либо не желай вовсе. Имей намерение каждый день и каждый час. Просыпайся с целью, засыпай с целью. Цель не для результата. Цель — твой путь.

Иди по пути или уснешь навсегда.»

Я закончил чтение и почувствовал, как все смолкло внутри. Странная тетрадь и странный текст. Мысли после этих слов куда-то запропастились. Будто потерялись в тумане уставшего сознания. Я что-то ощутил. Может быть то, что называют вдохновением. «Давно оно ко мне не заглядывало». — подумав об этом, я оглянулся по сторонам, испугался выглядеть глупо в приступе воодушевления. «Но сейчас я скорее выгляжу, как сумасшедший с пустым, бездушным взглядом». — подумал я.

Осмотревшись, я успокоился и опустил глаза. Никому из присутствующих нет до меня дела.

Пока я читал и озирался по сторонам, автобус незаметно достиг моей остановки. Я вскочил и протискиваясь через толпу возмущенных пассажиров, вложил черную тетрадь в пакет, в котором болтались туда-сюда книги, линейка, пара простых карандашей и неоконченные чертежи.

Выйдя на улицу, я ощутил ветер. Он дул все сильнее и напористей будто мне назло. Шея болезненно содрогалась от его порывов.

«Щеки и нос наверное покраснели». — сделал вывод я и стал прятать лицо от проходивших рядом незнакомцев. «Не люблю я выглядеть глупо».

Подойдя к своему подъезду я вспомнил о находке и решил после вечерней трапезы продолжить чтение. Не скажу, что текст меня поразил или сразу понравился. Нет. Наоборот, мне показалось, что этот дневник пишет какой-то напыщенный болван. Мне попросту стало интересно. Еще я помнил свою странную реакцию от прочитанного. Мой ум будто выключился и выключился не совсем так, как от усталости. Безмыслие показалось мне приятным и притягательным. Мне захотелось пережить его вновь. После чтения этого текста мне стало даже как-то полегче, что конечно не отменяло того факта, что этот горе писатель слишком много на себя брал.

В размышлениях я зашел в дом и не торопясь, поужинал. Лишь спустя час я очнулся от мыслей, поймав себя за просмотром телевизора. Выключив звук, чтобы не отвлекал, я достал из пакета дневник неизвестного и начал было его читать, как буквально через минуту загремел телефон. Я взял трубку, ощущая небольшой страх — кто может звонить в такое время. За страхом пришло и раздражение. «Не люблю, когда меня отвлекают». Я сделал голос нарочито грозным и тягуче сказал:

— Алло.

— Антон! Завтра чтоб ровно к шести. Придут важные люди. Смотри не опоздай.

— Хорошо. — промямлил я, скрывая злость, попрощался и положил трубку.

Звонил мой начальник. Что это были за важные люди, я не знал, но решил встать намного раньше, чтобы точно успеть вовремя. Я всегда был человеком пунктуальным и даже удивился, что Иваныч — так все звали моего шефа — усомнился во мне.

Переварив разговор, я завел будильник на полпятого и уже взял тетрадь. Но не успел ее даже раскрыть, как снова зазвонил проклятый телефон. Звонил мой старый друг, с которым мы не беседовали около полугода. Сразу же образовалось множество тем. Мы говорили, матерясь как солдаты, иногда посмеиваясь и грубо подшучивая друг над другом. Положив трубку на место, я посмотрел на часы и ужаснулся. Два часа ночи. «Завтра же рано вставать». — осенило меня. Впрочем сильнее чем сон, меня манило продолжить чтение и я, несмотря на здравый смысл, открыл в дневнике следующую запись. Запись под ничего для меня не значащим заголовком: «Получение имени».

Получение имени

«— Последнее время я занимаюсь странными вещами. — сказал я серьезно и взглянул собеседнику прямо в глаза.

Передо мной возвышался здоровый мужик лет пятидесяти. Уже с залысинами и будто уставшим от долгих и тяжелых лет жизни лицом. Он сидел напротив меня и потягивал дорогое красное вино. Одет он был неприметно — серая футболка и синие полинявшие от длительной носки джинсы. Он не отвел взгляда, а лишь слабо улыбнулся и стал разглядывать мой левый глаз, как мне показалось. Ощувив неприятную тяжесть, я отвлекся на свой бокал и слегка отпил. Неплохой вкус для дрянной забегаловки, около которой мы случайно встретились пару часов назад.

Из колонок совсем рядом с нами, совершенно для меня неожиданно, полился легкий мелодичный джаз. Выждав паузу, чтобы оценить и насладиться мягким послевкусием вина, я продолжил:

— Уже месяца три я проживаю страдания других.

Мой собеседник подался вперед и на его губах снова заиграла эта хитрая, насмешливая улыбка. Он не проронил ни слова.

— Не знаю, откуда это взялось. Мне никто не рассказывал о подобном. По крайней мере я об этом не помню. В общем как-то раз я пошел прогуляться. Без какой-то конкретной цели. Просто слонялся рядом с домом и внезапно услышал крики за поворотом.

Я замолк и прилично отхлебнул из бокала. Вспоминать те события было грустно и неприятно. Из памяти начали всплывать разные противоречивые чувства. Мурашки побежали по телу. В руках объявилась дрожь.

— Завернув за угол, я увидел, как кричит мальчишка лет пяти-шести. Кричал он просто оглушительно и в этом крике угадывались страх и обида. Лицо его, мокрое от слез, было искажено гримасой боли. Конечно, я мог ошибаться, но мне так показалось. Рядом стояли, видимо, его мать с отцом и тоже орали друг на друга что есть мочи. В тоже время мать дергала мальчугана за руку. Он сопротивлялся изо всех сил и тогда она стала толкать его, подкрепляя свои действия жестким матом. Я подошел поближе. Не настолько, чтобы привлечь внимание, но достаточно, чтобы взглянуть им в глаза. В этот момент и возникла эта странность. Я настолько сильно ощутил себя этим пацаном, что меня как током ударило. Затем я перевел взгляд на мать и стал испытывать также и ее чувства. — я улыбнулся и оправдываясь, продолжил — Не подумай, я не говорю о каких-то там экстрасенсорных штучках. Просто я поставил себя на их место. И так поставил, что самому тошно стало. Когда я «был его отцом», меня трясло от злости и в тоже время я избегал взглядов окружающих, опасаясь за свой образ примерного отца. Когда «стал матерью»,

переживал волны раздражения смешанных с чувствами вины и бессилия. Мальчику, конечно, было хуже всех. — я сделал паузу и огляделся вокруг. — Позже я ощущал похожие чувства, когда слышал какие-то неприятные, грустные истории о других. Я представлял, что погибал кто-то близкий, ощущал что живу в опасных регионах, чувствовал себя умирающим от тяжелой болезни или голода, воображал себя бомжом или алкоголиком, убийцей или его жертвой. Или родственником жертвы. И так далее. Новые и новые страдания, все я пропускал через себя. Притом все это случалось будто без моей воли, я не делал это специально. Это просто происходило. Я не видел здесь какой-то духовной практики. Не чувствовал в этом возможности саморазвития. Это просто происходило. — повторил я и умолк, ощущая ком, подступивший к горлу.

Мой собеседник вздохнул и опустив взгляд, сказал скучающим, пресным тоном: — О чем-то подобном рассказывал «черный монах».

— Ты знаком с «Монахом»? — проговорил я, сомневаясь. — Про него кто только не говорит. У меня сложилось мнение, что это чья-то выдумка, притом весьма примитивная. Сам понимаешь, в наших кругах любят рассказывать всякие небылицы.

— Да я только вчера с ним говорил. — твердо ответил он с оттенками раздражения в голосе.

— Откуда у него такое яркое прозвище? — с насмешкой поинтересовался я.

— Я думал, все уже знают эту историю. — беззаботно заулыбался здоровяк. — Ну, слушай. Однажды он шел домой и рядом с электрической будкой... Ну знаешь кирпичные такие? — вопросительно взглянул он на меня.

Я кивнул и заметил, что музыка в кафе сменилась на какую-то классическую, сыгранную на одном пианино. Вокруг все заволочло сигаретным дымом и я стал негромко покашливать. У меня с детства на сигаретный дым аллергия и не смотря на то, что она частенько доставляла мне неудобство, ничего с ней не делал. Да и вообще не знал, можно ли с ней что-то сделать. Вынырнув из мыслей об аллергии, я заметил, что деревянный стул подо мной ужасно скрипит. Впрочем мне это не особо мешало и я почти сразу об этом забыл, увлекшись рассказом своего знакомого.

— Он проходил мимо такой будки и увидел парнишку лет десяти, как говорят. Парень сидит на асфальте и вычерчивает белым мелом треугольник. Прямо на кирпичках. Вычерчивал старательно, раз за разом. Не отводя руки. Одни и те же движения. Руки у него все были белые от мела и лицо все перемазано. «Монах» стоял и смотрел на него минут десять. Не решался отвлечь. Сперва он подумал, что мальчик того. Ну, знаешь, всякое бывает. — мягко заметил здоровяк. — А потом он обернулся. Это я про пацана. Обернулся, посмотрел на монаха и говорит:

— Ты почему весь черный?

Монах, конечно, опешил. Даже дар речи потерял на какое-то время. Отчасти я его понимаю. Это действительно странно. Ну, «Монах» его и спрашивает:

— Ты про что? Где черный?

— Сам скоро поймешь. — сказал ему пацаненок. Да, произнес будто с презрением и сразу вернулся к треугольнику. Сперва «Монаху», конечно, показалось это ерундой и он попросту пошел домой. Но в следующие дни стали происходить странные совпадения. Раз за разом, то знакомые, то незнакомые в разговоре с ним называли его «черным». Или просто ему так слышалось. Кто знает. Как он их потом не расспрашивал. Но никто толком не мог припомнить, что только что сказал. Он не на шутку заволновался. Не знаю, почему на него так сильно это подействовало. Я бы скорее просто забыл о такой ерунде и жил себе дальше. — с гордостью сказал здоровяк. — Он же стал ошиваться возле этой будки постоянно. Ходил вокруг да около. Пытался найти того парнишку. Но так ни разу его больше и не встретил. После этого, как говорят, он и занялся серьезными практиками. Ездил туда-сюда по свету, а потом засел в каком-то монастыре. Где-то в Азии. Так он и стал монахом. Прожил там лет двадцать или около того. Уж точно не помню. Вернулся обратно в Россию. Ну а потом про него и поползли все эти сказочные слухи. Что правда, что нет я и сам не пойму. Но мужик он сильный, очень. По глазам видно и по словам. Когда с ним говоришь, чувствуешь, будто насквозь тебя видит. — сказал здоровяк и осекся. — Ты не подумай, агрессии у него нет. Просто сила какая-то внутри. Будто его уже ничто на этом свете не может задеть.

— Интересно. — оценивая сказанное, задумчиво произнес я. — А как он хоть выглядит, этот монах?

— Невысокий такой мужичок средних лет. Русский. Волосы русые, как у всех, правда с небольшой сединой. Да ничего особенного в его виде нет. Но поверь — это не обычный человек.

— Так и что он говорил про эту практику? Про переживание страданий других? — напомнил я.

— Он говорил, что, когда ты в воображении переживаешь страдания других. Представляешь их себе. Чувствуешь себя на месте другого человека. В общем все, как ты и рассказывал. Тогда ты становишься чище. Ты будто пропускаешь их боль через себя. А это делает тебя еще и сильнее. Правда, что означают эти «чище» и «сильнее», я так и не понял. Как-то так. — закончил мужик и отпил из своего бокала. — Я ж кстати не просто так ошиваюсь в этой дыре. — внезапно продолжил он. — Здесь я и встретил «Монаха» в первый раз. Он мне тогда очень помог с одним вопросом. Вот и выслеживаю. Навязываться не хочется. Сам понимаешь. А то слышал, он особо надоедливых может послать куда подальше. Да так послать, что человек и сам больше не подойдет. Ему и прозвище это здесь дали. Он когда с

монастыря своего прикатил. Собрал знакомых своих, друзей. Прямо в этой кафешке. Почему именно в ней? Не знаю. Есть много мест и попрличней. Ну и рассказал всем собравшимся историю своих странствий. И про пацана с его треугольником, и про монастырь. Ну и кто-то, особо одаренный ляпнул:

— Да ты у нас теперь «Черный монах».

— Так и прицепилось. Он поначалу смеялся над этим, а потом привык. Вот такие пироги.

— А чем он тебя так заинтересовал? Что в нем такого особенного? — спросил я с недоверием. — Сейчас по-моему и так полно всяких «учителей». — добавил я с легким отворачиванием в голосе.

— О, здесь ты не прав. — оживился здоровяк. — он не стремится никого учить. Даже наоборот. Как я слышал, он специально по всякому проверяет человека, прежде чем начнет с ним серьезно общаться. Если не подходишь, он ведет себя как обычный обыватель. От него тогда ничего не дождешься. Я сам уж десяток всяких «учителей» прошел. Не дурак. Да и сами мы с тобой — «учителя». — закончил он и рассмеялся громким заразительным смехом.

— Ну не то, чтобы «учитель», больше все-таки психолог. — парировал я. — А вот ты — самый настоящий. — продолжил я и тоже засмеялся. — Честно говоря, так и не понял, чему ты собственно учишь и главное зачем? — сказал я, но потом опомнился и добавил. — Не подумай, что хочу поддеть. Просто, правда, интересно.

Мой собеседник задумался ненадолго. Его лицо приняло озабоченное выражение, но почти сразу в глазах засияли искорки радости. Он заговорил:

— Я учу людей освобождению от власти ума. — он помолчал и продолжил. — Тот, кто контролирует ум — контролирует и жизнь. Так или нет?

Атмосфера в кафе внезапно переменилась. Возникло ощущение присутствия кого-то рядом. Я направил все внимание на эти чувства и смог определить откуда исходят эти тяжелые пульсации. Сзади, со стороны двери кто-то стоял и человек этот чем-то меня привлек. Ведь на большинство я так не реагирую. В тоже время монолог моего знакомого продолжался и я, пропустив несколько фраз, вновь к нему вернулся.

— Твои мысли решают кем тебе быть. Чего добьешься в жизни. Будешь ли ты счастлив или погрянешь в рутине. Ум — это то, что делает человека слабым и несчастным, но также это и то, что спасает и помогает ему развиваться. Ум может быть полезным и необходимым, либо он может день за днем отравлять жизнь.

Я снова наблюдал интересное для меня явление. Стоило Петру Ивановичу заговорить о своей работе, как у него включалась новая роль. Он становился более выразительным, четко подбирал слова. Голос его изменялся с расхлябано-усталого на воодушевляющий и уверенный. Так он и вел свои занятия, объявляя себя

очередным «просветленным». Пока он был в образе «учителя», он абсолютно ничего не замечал, не видел и не слышал. Взгляд его смотрел в никуда, как бы сквозь предметы. Тем не менее выглядел он впечатляюще и слова говорил в общем правильные. Единственная неувязка — все то, о чем он так пламенно рассуждал было лишь теорией, а не его образом жизни. По этой причине я часто поддевал его, чувствуя, что он недостаточно честен со своими последователями. Стоит ли выставять себя просветленным, если внимательному человеку достаточно лишь короткого взгляда, чтобы вся правда раскрылась.

Петр Иванович говорил и говорил. Я же переключился на джаз, наполняющий крошечное помещение кафе пикантными оттенками распущенной жизни. Но почти сразу я снова ощутил странное присутствие. Теперь гораздо ближе. Совсем рядом. Сзади у левого плеча. В это мгновение мой собеседник резко замолчал и переменялся в лице. Его осанка некогда гордая и ровная, сползла вниз. Он спрятал руки под стол и опустил глаза. Его уверенность испарилась как водяной пар и он принял покорный и скромный вид. Я обернулся и увидел перед собой человека лет сорока. Он был среднего роста. Русые волосы. Обыкновенное, спокойное лицо. Никаких особых примет или особенностей. Кроме ощущений, которые он у меня вызывал. Увидев его, я забыл о музыке. Мне стало любопытно кто это такой, что мой собеседник так сильно переменялся в лице.

— Приветствую. — проговорил незнакомец тихим, словно уставшим голосом.

Услышав это, Петр Иванович сорвался с места и принялся горячо жать руку нашему гостю. Усевшись на место и посадив по мою правую руку незнакомца, здоровяк стал кидать на меня непонятные взгляды, смысл которых до меня не доходил. Но вскоре я сообразил, что означали эти настойчивые сигналы. Человек, который так неожиданно вторгся в нашу беседу — это и есть тот самый «Черный монах»».

Шанс на бессмертие

«Единственный шанс человека на бессмертие — это изменение собственного времени.

За день ты проживаешь неделю, за неделю — месяцы, за месяц — годы.

Тот, для кого время летит незаметно — не живет, а спит и видит быстротекущие сны.

У такого человека месяц — это день, а несколько лет — лишь серый прах от некогда ярких воспоминаний.

Ты видишь мир?

Когда видишь — замечаешь облака и синее небо; грязных ободранных бродяг и искрящиеся счастьем, глаза детей; ослепительный металл автомобилей и растрескавшийся асфальт; опавшие, рыжие листья; лужи со своим отражением; необыкновенные лица других людей; кошек, собак и их, такую разную шерсть; дома с облупившейся краской; мусор и переливающуюся под солнечными лучами грязь; свои руки и пальцы будто испещренные морщинами. Ты видишь чудо в обыкновенном. Видишь чудо в прекрасном и безобразном.

В свете и тьме.

Научись смотреть и видеть — это первый шаг к бессмертию».

Я с трудом вынырнул из текста и в страхе начал оглядываться по сторонам. Проехал свою остановку. Именно в тот день, когда опаздывать было никак нельзя. Резким, нервным движением я запихнул дневник себе в пакет и выбежал из автобуса, расталкивая всех подряд. Я побежал, надеясь успеть вовремя, но как назло все вокруг мне мешали — то грузовик с хлебом перегородит путь, то какой-то мужик с чебуреком в руках. Здесь не работает светофор. Дальше на пути сплошная грязь — не пройти. Вдобавок, когда я уже подошел к зданию фирмы, на меня набросилась стая бродячих собак. Одна из них, особо наглая, осмелела и укусила меня за джинсы рядом с щиколоткой. Да так прицепилась, что я и не знал, что делать. Мой страх все возрастал, ведь собак становилось все больше.

Где-то сбоку послышался крик:

— Пинай. Разорвут.

Я посмотрел в сторону звука. На меня таращился, мужик в серой куртке.

«Наверное вахтер» — пронеслось в голове.

Он закричал вновь:

— Пинай быстрее. Дурак. Разорвут.

Что-то мне не давало этого сделать. Перед мной словно вырос невидимый барьер.

Но деваться было некуда и я неуклюжим движением отпихнул наглуго дворнягу свободной ногой. Удар пришелся ей в шею, она сразу взвизгнула, подпрыгнула от неожиданности и убежала. Ее сородичи незамедлительно последовали за ней. С чувством облегчения и большой благодарности, я подошел к мужику и разгоряченный внезапным боем крепко пожал ему руку.

Войдя в свой отдел, я ловил на себе недовольные и осуждающие взгляды коллег. Хотя по правде, никого из них я коллегами не считал, как и они меня. Я для них был словно залетный художник, который нужен им только для презентации товара. Они же для меня — тупыми, заплывшими жиром инженеришками, которые в своей жизни не добились ничего, кроме как умения содрать где-нибудь чужую разработку, а потом, поменяв пару болтов, умело ее выдать за свою. Я с виноватым видом сел на свое рабочее место. В отделе установилась плотная, напряженная тишина, но через секунду послышались чьи-то шаги. Их было четверо. Трое — большие шишки, как я в последствие выяснил, четвертый — наш начальник, со своими густыми, черными усами и большим пузом, выпирающим из жилетки. Они прошлись по комнатам и подошли ко мне. Я весь красный от стыда, приправленного изрядной долей страха, чуть ли не тряса от напряжения.

— Антон, покажи систему обогрева. — сказал шеф заискивающим тоном.

Я быстро вывел на экран 3д модель экспериментального оборудования для нефтяных танкеров и время от времени крутил ее в разные стороны, чтобы показать со всех ракурсов. Начальство видимо осталось довольным и двинулось дальше. Я выдохнул и наконец смог расслабиться. Посмотрев вокруг, я понял, что работать сегодня никто не будет. Все сидели, занимались чем попало: кто играл на компьютере в пасьянс, кто читал книгу, кто разговаривал по телефону или просто празднично бродил по офису. «Видимо заказ еще не оплачен» — догадался я.

Работа в нашей компании строилась по такому принципу — пока заказчик не оплатил, мы сидим и создаем видимость работы. Это могло продолжаться от нескольких дней до почти месяца. Ты был вынужден сидеть и пялиться в компьютер, изучать ГОСТы, смотреть чертежи. В большинстве своем эти дни были мучительной каторгой. Ведь притворяться, что ты работаешь намного сложнее, чем по-настоящему работать.

Решив не терять времени, я незаметно достал тетрадь и спрятав ее за раскрытым учебником по программе 3д моделирования, продолжил читать.

«Чтобы научиться видеть — смотри. Смотри намеренно, специально. Смотри туда, куда не привык смотреть. Смотри туда, куда никто не смотрит: на деревья, опавшие листья, окурки под ногами, на заляпанные стекла автобусов...»

Я ошеломленно перечитал этот абзац снова. Мне уже не раз казалось, что этот текст написан будто для меня. В нем как и сейчас была осень. Постоянно велись разговоры о времени, а о нем я стал задумываться совсем недавно. А теперь в добавок автобус. Мурашки побежали у меня по спине. Поразмыслив немного, я

счел все это простым совпадением и вернулся к дневнику.

«Смотри на небо и на восходящее солнце, на птиц и зверей, на цветы и пустоту перед собой.

Изучай все вокруг, поверти в руках обычные предметы, приглядишься к ним. Смотри так всегда и время начнет растягиваться.

Но смотри внимательно, с интересом. Не допускай перенапряжения или скуки.

Приучи себя останавливаться. Каждый час, каждую минуту остановись и смотри.

Забудь о делах, удовольствиях и желаниях. Остановись и смотри. Остановись внутри.»

Страница кончилась и я спрятал тетрадь себе в пакет, ощутив желание обдумать прочитанное. Прокрутив пару раз слова из дневника, я захотел попробовать посмотреть как советовал автор и начал разглядывать маленький мирок нашего офиса. Минут через десять я обнаружил, что начинаю чувствовать нечто новое, но только от ближайших предметов, которые находились не дальше вытянутой руки. Если же я пытался смотреть на что-то вдалеке, ничего особенного не происходило.

«Возможно, — подумал я — это связано с моим плохим зрением». Я с самого детства плохо видел вдаль.

Стоило переключиться на короткую дистанцию, как я сразу же замечал то, что никогда до этого не видел. Многообразие различных текстур и оттенков, трещины, сколы, потертости, тени. Предметы превращались во что-то значимое, почти живое. От каждого шло свое, неповторимое очарование. Я смотрел и смотрел и все больше ощущал как моя привычная скука без следа уходит, сменяясь на какое-то еле уловимое, новое чувство.

«По-моему, что-то подобное я чувствовал в детстве». — подумалось мне.

— Антон. Эй, Антон. Алло. — почти прокричал издевательским голосом шеф. — Ты куда улетел. Очнись. И так сегодня опоздал. Благо все обошлось. — уже спокойнее пробормотал он. — Но если бы не я. Ууу, блин. Даже страшно представить.

— Обстоятельства — проговорил я холодно.

— Ну, ну. Смотри. Бывают обстоятельства и похуже. — закончил он и пошел рассказывать о сегодняшнем дне своим подхалимам — работникам. Он красочно описывал как первоклассно провел презентацию, как красиво обо всем рассказал. Не забыл он упомянуть и о своей непревзойденной находчивости. Смотря на это, мне почему то стало его жалко. Мне вдруг показалось, что внутри он чувствует себя жалким ничтожеством и лишь из-за этого пытается доказать всему миру, что он все-таки чего-то стоит.

После этого короткого разговора я забыл о тетради и о том, что нужно «смотреть»

и вновь погрузился в затягивающую тряси́ну скуки и одиночества. На работе сегодня я больше ни с кем не разговаривал. Ушел тихо, ровно в шесть часов, не желая оставаться в этом месте ни одной лишней секунды.

Без происшествий доехал на автобусе до дома. Зашел. Поел и вспомнив о недавно прочитанном, с предвкушением открыл новую запись.

Проверка

«— Я уже долгие годы ищу систему, которая позволит человеку стать чем-то большим, как-то раскрыть свой потенциал. Я слышал, у вас есть такая информация. — проговорил я в быстром темпе.

— Такая система, если бы она существовала, — вкрадчиво сказал Монах. — в любом случае подойдет не каждому. Слабость современного человека не в отсутствии знаний, а в неспособности четко им следовать.

— А если первым этапом этой системы сделать становление воли. Чтобы человек мог работать над собой, не бросая это на полпути. — неожиданно для себя подметил я.

— Первый этап, по-моему мнению, это делать только то, что действительно хочешь. А если вы хотите постоянно развиваться, тогда и возникнет устойчивость.

— Получается нужно сильно хотеть саморазвития, чтобы система работала? — спросил я и бросил кроткий взгляд прямо в глаза нашему гостю.

— К сожалению, нельзя просто взять и захотеть. Вопрос стоит так: сложилась ли жизнь человека таким образом, чтобы зародить в нем негасимое желание развиваться? — сказал Монах и откинулся на спинку стула.

— То есть ничего нельзя сделать? Изначально кто-то подходит, кто-то не подходит. — спросил я и ощутил, что мой интерес к разговору начинает угасать.

— Сделать, конечно, можно. — с полуулыбкой сказал Монах. — Но зачем? Обычно страдания — слегка повысив голос, проговорил он — толкают человека к развитию. Он начинает заниматься разными медитациями, практиками. Но стоит этим страданиям уйти, как он забывает о внутренней работе. Почти сразу возвращается к привычному образу жизни. Работа из страданий, не благодарная работа. Гораздо лучше работать из интереса, любви к познанию. Для этого случайный человек не подходит. Поймите, большинству это просто не нужно. И это их право. Жить так, как живут. Почему вы сами так стремитесь узнать о такой системе? Именно о системе, которая подойдет каждому, не только вам? — с заинтересованностью спросил Монах.

В кафе закончилась красивая мелодия, которая играла последние минут десять и ненадолго установилась относительная тишина, прерываемая покашливаниями и сонными, пьяными разговорами посетителей. Я оглянулся, людей осталось совсем мало. Близилась ночь.

— Я хочу помочь людям. — сразу выпалил я, не подумав. — Посмотрите, мир катится не понятно куда. Люди тупеют день ото дня. Книги, фильмы, музыка уже

без души. Культура и совесть исчезает. Мир помешан только на вещах и внешнем виде. Люди уже ничего не чувствуют. Ходят по магазинам с пустыми как у рыбы глазами. Что-то надо с этим делать.

— Мне кажется, ничего мы с этим не сделаем. — опасливо вступил в разговор Петр Иванович. — Как есть, так есть. Надо просто это принять. Борьба — нет смысла. Я так считаю. — проговорил он, волнуясь.

Монах помолчал некоторое время и спокойно сказал:

— Когда человек рассуждает о помощи другим, Алексей. — говорил он, смотря на меня. — За этим кроется зачастую и своя выгода.

Замечание Монаха выбило меня из колеи.

«Я открываю ему самое сокровенное, говорю без масок. Он же везде видит эгоизм. Не такой уж он и мастер, этот монах, как распаялся Петр Иванович. Просто еще один надменный просветленец.» — подумал я, пытаюсь внешне не подать виду.

— Так есть такая система, которая поможет хотя бы человеку, который имеет это ваше сильное желание — развиваться? — спросил я раздраженным тоном.

— Есть, есть. И не одна. — добродушно ответил Монах.

— Как можно о ней узнать. Хотя бы об одной? — прямо спросил я.

— Вам достаточно только узнать? Теорию? — спросил он с внимательным взглядом.

— Мне достаточно знать, как выполнять практики. Какие-нибудь медитации. С остальным как-нибудь разберусь. — твердо ответил я. — И поверьте, у меня есть это «неугасимое желание», как вы выразились. Уже не год этим занимаюсь.

— Хорошо. — с выдохом ответил Монах. — Я расскажу вам о практиках, но с одним условием. Ответьте мне честно, зачем вам это?

После этой фразы со мной произошло нечто весьма странное. Сердце забилося сильнее, а дыхание стало поверхностным и прерывистым. Мои руки задрожали и я не желая это продемонстрировать, спрятал их под стол.

«Видимо проявление страха, — догадался я. — Боюсь ответить неправильно и потерять возможность узнать о системе Монаха.»

Я абсолютно не понимал чем вызвана такая реакция, он совершенно не произвел на меня впечатления. Обычный зануда, коих сейчас не мало. Почему же я так боюсь потерять эту возможность?

— Наверное, интуиция. — неожиданно произнес он.

Мое замешательство усилилось до предела. «Как он узнал, о чем я думаю? Видимо не так просто, как сперва показалось.» — сложилось у меня в уме.

Я сбивчивым, ошеломленным голосом спросил:

— Как вы узнали, о чем я думаю?

— Здесь нет никакой мистики. — с улыбкой ответил он. — Весь наш разговор вы не проявляли особого энтузиазма. Но после того, как я поставил вам условие, все изменилось. Глаза забегали, руки вы убрали под стол, чтобы не показывать, как они трясутся. О чем это могло свидетельствовать? — он сделал паузу буквально на мгновение и заговорил вновь. — Только о том, что вам внезапно эта беседа стала очень важна. Вы медлили с ответом. Глаза продолжали смотреть то на потолок, то вниз. Вы обдумывали свою чрезмерную реакцию и задавались вопросом, почему она возникла. Почему сейчас для вас это так важно? — задал он вопрос сам себе. — Я предполагаю, что это может быть интуиция.

Его рассуждения, скажу искренне, поразили меня. Несмотря на то, что я и сам часто проворачивал подобное, заслуживая восхищение знакомых. Глаза человека многое могли сказать и о его мыслях, и о чувствах. Я помню одно время, специально подмечал за собой направление взгляда в различных ситуациях. Например, переживая грусть, мои глаза все чаще стремились смотреть вниз или вниз вправо. Если же я внимательно прислушивался, глаза теряли фокусировку и глядели куда-то вдаль. Но гораздо более важным было не направление взгляда, а его динамика, ритм. Наблюдая за собой в течение нескольких лет, я запоминал специфические движения глаз и тела, мимику, позы, которые может занимать человек в разных эмоциональных состояниях. Таким образом мне не раз удавалось понимать, что скрыто за внешней игрой собеседника. Монах, судя по моим наблюдениям, сегодня весь вечер находился в абсолютно нейтральном состоянии. Он не давал почти никакой информации о своих намерениях, мыслях и эмоциях.

От раздумий меня отвлекла тяжелая, резкая музыка Баха, которая с напором ворвалась в зал и пропитала его гнетущей, напряженной атмосферой. «Странный репертуар у этого второсортного кафе. На кого они хотят произвести впечатление?» — с внутренней усмешкой подумал я.

Тем временем мой ответ все затягивался и неловкую паузу решил заполнить Петр Иванович.

Он будто извиняясь, заговорил о вопросе Монаха:

— Честно — не всегда и ответишь. Ведь как бывает. — затараторил он. — Человек и сам не знает, что для него правда, а что нет. Я так считаю.

Монах на это ничего не ответил, но одобрительно закивал головой. Затем посмотрел мне в глаза, выдержав идеальное время, чтобы не вызвать у меня дискомфорт, но и не отвести взгляд слишком быстро.

— Я хочу стать сильным. Хочу контролировать свою жизнь и не чувствовать себя песчинкой в пустыне. — наконец признался я. — Давно я надеюсь, что мир не только то, что мы видим изо дня в день. Что есть что-то еще. Скрытое от нас. Можно сказать, я с детства ищу чудеса.

— Спасибо. Это честный ответ. — добро сказал Монах. — Я как и обещал, готов поделиться с вами теоретической информацией. Но боюсь, это не то, что вы ищете. В системах, о которых я знаю, практик почти нет. Главное в них — понимание и выдержка. А с помощью одной лишь теории этого понимания добиться невозможно.

— Дайте мне хотя бы одну, первую практику. Я попробую. — просяще проговорил я.

Монах оглядел помещение, в котором мы находились и сказал:

— Почувствуйте, что вас здесь нет. — он слегка выдержал и продолжил тихим, будничным тоном. — Прямо сейчас смотрите вокруг, будто вас нет и никогда не было. Эти люди — монах обвел рукой вполне уютное, хоть и грязное помещение кафе — они живут сейчас без вас. Эта мебель, эта музыка существуют здесь. Без вас. Вы просто исчезли. Вы не думаете, не описываете, не оцениваете. Вы будто пространство, которого тоже нет. Удалите себя из этого мира. Полностью, не оставив ничего. Без сожаления и печали. Ведь некому переживать эти чувства. — он снова прервался. — Как вы тогда будете смотреть на этот мир?

Он закончил и за нашим столиком установилась вязкая тишина. Я попытался сделать то, что предложил Монах, но ничего не выходило. Мысли не успокаивались. Вроде на миг что-то промелькнуло. Ощущение похожее на то, когда видишь что-то в первый раз. Но больше не повторилось. В теле, то в одном, то в другом месте проявлялись напряжения, видимо вызванные недавним страхом, остатки которого еще присутствовали во мне. Ничего не получилось, я попросту не мог себя «удалить». Вскоре я подумал, что он специально дал мне какую-то неработающую или чересчур сложную медитацию, только бы побыстрее отвязаться. Внутри начала зарождаться обида и что-то еще более сильное.

— Не получается. — признался я раздосадованным тоном.

После этих слов я всем телом ощутил как формируется какая-то мощная негативная эмоция. Я стал воспринимать себя ни на что не способным и тупым. Почему я не смог справиться с этим заданием. С таким то опытом в медитативных практиках. Мне захотелось быстрее уйти, чтобы не показывать своей слабости.

Петр Иванович на протяжении последних секунд смотрел куда-то в сторону, как будто увидел кого-то знакомого.

— Жаль. — ответил Монах. — Наверное, вы пока не подходите для этой работы. Но вы не переживайте, может в следующий раз.

После этих слов мое тело словно само поднялось вверх. Вставая, я небрежно отпихнул стул и направился к выходу. Я кое-как переставлял ноги будто в опьянении. Голова шумела. Мыслей не было. Я ни с кем не попрощался, не оставил денег за еду, что совершенно не свойственно мне. Вышел из кафе и под скудным светом фонарей медленным шагом пошел домой, где примерно через час пришел в себя и в недоумении от произошедшего, погрузился в раздумья».

Смотреть и исчезать

Дневник прочно впечатался мне в память и куда бы я не шел, где бы не находился, фразы, а иногда и целые строчки всплывали в мыслях, погружая меня в описанную автором, историю. Я не задумывался, почему эти записи так на меня подействовали. Что я в них разглядел. Единственное, что я мог точно сказать — упражнения, о которых там упоминалось, работали. И даже недавно прочитанное мной «Исчезновение» — название я придумал специально, чтобы лучше запомнить — получилось с первого раза, вопреки неудачи автора.

В тот день я сидел, уютно примостившись на диване и внимательно вчитывался в текст под заголовком «Проверка». Я читал не спеша. У меня уже вошло в привычку перечитывать некоторые отрывки по пять-шесть раз, желая досконально понять, о чем идет речь. После того, как та или иная запись становилась мне как родной, я начинал делать представленные в ней упражнения. Тем вечером еще были свежи воспоминания о моем утреннем опоздании на работу, собаках и о словах начальника. Но стоило мне прочитать даже небольшой отрывок из черной тетради, как мои неприятные переживания моментально улетучивались. Сегодня случилось тоже самое и грусть со злобой в мгновение ока сменились на радостное воодушевление и интерес.

Перечитав «Проверку» в третий раз, я решил попробовать медитацию, о которой рассказывал Монах. Я представил, что комната, в которой сейчас нахожусь — пуста. Осматривая разные предметы: старые, потрепанные книги; желтый абажур от напольной лампы; мягкий, теплый ковер под ногами; картину с пейзажем на стене; выцветшие обои с рисунком в виде закрученных листьев; массивный телевизор с округлым кинескопом, я воображал будто они здесь совсем одни, без меня. Это полностью пустая комната, где предметы находятся уже неведь сколько лет, без хозяина, сами по себе. В тот же миг мои мысли затихли и в окружающем пространстве повисла звенящая тишина. Приходили давно ушедшие чувства, будто прямиком из детства. Я вспоминал, что раньше, лет в семь-восемь так и воспринимал мир. Чисто, насыщенно. Каждый предмет словно таил какие-то тайны, очаровывал своей значимостью, был прекрасен. Я остро чувствовал существование любой вещи, которая попадала в поле зрения.

Увы, эти переживания были не стабильны. Они терялись мгновенно от возникновения любой мысли. Как только я отвлекался, оставалось лишь быстро тающее послевкусие этих новых чувств. Но стоило приложить усилие, чтобы снова «исчезнуть» и очарование жизни вновь возвращалось.

Я занимался этим несколько часов кряду. Три, а может и четыре. Просто не мог остановиться. Мой бледный, обыденный мирок преображался от этой медитации. Конечно, я во чтобы то ни стало старался продлить свое новое мироощущение.

На следующий день я проделывал упражнение с самого утра, поедая привычный завтрак. В движении и делах этого состояния было достигнуть гораздо сложнее. Впрочем, я не бросил усилия и «исчезал» по дороге на работу, быстро переставляя

ноги на грязных улицах и смотря за окно во время поездок в автобусе. С каждым днем это получалось лучше и лучше. Незаметно мой озлобленный, серый эмоциональный фон, стал сменяться на нейтральный, а затем и на приподнято-романтичный. Делая эту практику, я смотрел так, как учили в записи про бессмертие, концентрируясь больше на близких предметах. По сути я с момента прочтения «Проверки» выполнял эти упражнения одновременно. Смотрел и «исчезал».

Поднявшись в свой офис на второй этаж, я увидел незнакомую девушку. Блондинка моего возраста. Привлекательное, милое лицо. Голубые глаза с озорными искорками. Почти без косметики — она была ей не нужна. В ее движениях, голосе читались уверенность и дружелюбие. Она болтала сразу с несколькими моими сослуживцами, непринужденно и весело. Мужики — всем за сорок — облепили ее со всех сторон, словно впервые видели девушку.

«Полная моя противоположность» — подумал я. Признаюсь, она мне сразу понравилась. Но всю мою жизнь, я боялся даже разговаривать с такими девушками, не то что надеяться на что-то большее. Я опасался выглядеть глупо. Больше всего на свете мне не хотелось испытывать за себя стыд и краснеть. Я вновь и вновь находил предлоги, дабы не делать первый шаг. К тому же я комплексовал по поводу своей внешности. Мне казалось, что у меня не очень красивое, острое лицо, маленькие глазки и мальчишеский голосок. К тому же я был склонен к худобе. Ну, кому мог понравиться такой слабак?

Сейчас я повел себя по привычке. Сделав вид, что не заметил нового члена коллектива, как мышь проскользнул к своему креслу и во все глаза уставился во все еще выключенный монитор.

Знакомства, впрочем, избежать не удалось. Шеф с дурацкой улыбкой во весь рот, представил мне привлекательную незнакомку:

— Это Анна, знакомься.

Она плавно протянула мне руку. Кожа почти белая, без загара. Ей это очень шло. На шее я заметил никогда не встречавшейся мне ранее, талисман. Не подумайте, что я был экспертом в этой области. Просто любил побродить по рынку, рассматривая всякие безделушки. А так как рынок был по пути на работу, почти в двух шагах, я заглядывал туда регулярно. Талисман изображал птицу, сплетенную из тоненьких прутиков. Даже не птица, так, намек на нее. Фигура была очень упрощенная, буквально несколько закругленных линий. Украшение тоже хорошо подходило девушке. Эта птица словно подчеркивала ее грацию и легкость.

— Антон. — проговорил я, стараясь, чтоб мой голос звучал более грубо, по-

мужски.

Она засмеялась. А я залился краской и опустил глаза. Но затем, стараясь не подать вида, сказал:

— Рад с вами познакомиться.

— И я. — ответила она и упорхнула к своему столу, которого еще вчера здесь не было.

Начальник сразу забыл обо мне и чуть ли не побежал к нашей единственной представительнице женского пола. Он принялся ей что-то объяснять, при этом активно жестикулировал руками и время от времени заливался громким, наигранным смехом. «Что за болван?» — подумал я и принялся за работу.

Заказ оплатили несколько часов назад и для всех нас наступила жаркая пора. Теперь мы скорее всего будем работать без выходных месяц напролет. К тому же заставят оставаться на сверхурочные, за которые доплачивают сущие гроши.

Я принялся за чертежи. В начале нужно было создать комплексную трехмерную модель системы обогрева, а затем, уже в двухмерном пространстве вычертить все в деталях с указанием размеров и допусков. В такие дни я работал как проклятый, не отдыхая, не замечая ничего вокруг. Я погружался в текущую задачу с головой и выныривал лишь в конце дня, когда видел, что другие работники уже собираются по домам. Сейчас мне нравилась моя работа. Она требовала внимательности и мобилизации всех способностей. Ум должен был оставаться пустым и сконцентрированным на деле. «Тоже своего рода медитация». — подумал я. Как ни странно, в такие моменты мне удавалось ни о чем не думать, кроме работы. Но с другой стороны такой график сильно выматывал и домой я приходил полностью опустошенный, без каких-либо желаний, с выключенным рассудком. Оставалось сразу ложиться спать. Ни телевизора, ни книг, ничего. Зато скука в этом случае не появлялась ни на мгновенье. Для себя я так и не решил: люблю я такие напряженные дни или нет.

В этой суете мои занятия по дневнику вылетели из головы. Возвращались они только в редкие моменты ожидания, когда мои чертежи проходили проверку у главного технолога. Но чаще вместо чтения я тайком поглядывал на новенькую. С каждым разом, она нравилась мне все больше. Она была так же как и я увлечена работой. Ее веселость и разговорчивость пропали, сменившись предельной концентрацией и профессионализмом. Даже ее речь изменилась и стала более лаконичной, четкой и немного строгой.

В конце рабочего дня мои мысли перемешивались, а иногда и вовсе отключались. Бывали дни когда я устал меньше и тогда я думал то о дневнике, то о девушке. Последнюю неделю у нас не было возможности толком общаться. Так, обмолвимся приветствиями и разойдемся. Она сидела за своим столом, я за своим. В разных

концах офиса. Когда я заканчивал работу и собирался домой, она все еще напряженно глядела в свой широкоформатный монитор. Не знаю до скольки она оставалась и сколько получала за такой тяжкий труд.

Много раз я мечтал, что провожу ее домой или хотя бы до остановки. Почему то казалось, что она не на машине. Но случай так и не появлялся. Ждать ее я никогда не пробовал. В чем смысл? Ведь она скорее всего откажет и тогда я сквозь землю провалюсь от стыда.

Мне все чаще приходила мысль: «Как же сильно я на ней залип».

Уже третья неделя шла в одном и том же, бешеном темпе. Быстрые наброски карандашом, объяснения непосредственно рабочим: как и где варить, точить, фрезеровать. Грубый макет экспериментального оборудования должен быть представлен завтра. Мы не успевали и обстановка накалялась. В этот, самый неподходящий момент Анну направили ко мне в качестве помощника.

Она подошла к моему столу, сперва наклонилась над монитором, заглянула в него, затем пододвинула стул и села рядом со мной. Ее теплое плечо периодически касалось моего и я ощутил сильное возбуждение. Еще никогда я не был к ней так близок. Страх комом застрял в горле. Чтобы его не показать, я молчал, делая вид, что погружен в чертежи. Собравшись с силами, — ведь я был изрядно вымотан — я рассказал ей, чем она может мне помочь. Она слушала внимательно, смотря мне прямо в глаза. В ее взгляде, казалось, сквозило уважение и даже какая-то симпатия. «Скорее всего мне это только привиделось». — решил я. Мы проговорили о работе минут двадцать, а потом я не знаю как, переключился на мою интересную находку. Я рассказал ей о дневнике. Как только она услышала о Петре Иваныче и Черном монахе, ее рука произвольна потянулась к медальону. Она странно сжала губы, но спустя мгновение ее лицо приняло обычный, спокойный вид.

Заметив это, я задал вопрос:

— Ты что-то слышала о Черном монахе?

— Нет, нет. — сказала она поспешно, без промедлений. Помолчала, а затем добавила. — Я знаю Петра Ивановича, о котором ты упомянул в начале. Описание и его слова слишком похожи. Вряд ли это простое совпадение. — проговорив это, она закусила губу и стала выглядеть озабоченной.

— Даже если это и он. Почему на тебя это так подействовало? — сказал я, но потом опомнившись добавил. — Извини, если говорю что-то не то.

— Нет, нет, все нормально. — бегло кинула она. — Просто этот Петр Иванович редкостная мразь. — сказала она и в ее глазах я увидел неприкрытую злость.

— А что такое? — не унимался я.

За эти полчаса я почувствовал, что дистанция, которая существовала между нами

резко сократилась, если не исчезла. Мы говорили словно знаем друг друга с детства. Правда теперь мое обожание куда-то испарилось, а его место заняло жгучее любопытство. Видимо ее идеальный образ разрушился, когда я увидел, что она как и все может поддаваться эмоциям, может проявлять интерес и злиться. К тому же вблизи она уже не так впечатляла, на ее коже кое-где были угри и жирный блеск, глаза погасли от сумасшедшего рабочего графика, а голос был охрипшим и выдавал в ней курильщицу. Несомненно, она так и оставалась очень красивой девушкой. Но в течение этого разговора, моя одержимость ею пошла на спад.

— Он мошенник. — разгорячено заговорила она. — Он привлекает людей на свои занятия. В начале специально проводя их бесплатно. Прикидывается таким одухотворенным мастером, которому деньги не нужны. Люди ходят и все больше верят ему. Тем временем он вешает им лапшу про всякие сказки о просветлении, необходимости помогать миру. — сказала она и остановилась перевести дух от быстрого темпа. — Он говорит о том, что не ест и не пьет, а питается изначальной энергией космоса. Рассказывает, что может читать мысли, конечно, только в определенных случаях, когда планеты в благоприятной фазе. В общем не знаю, как психически здоровый человек может верить в эту чушь. — она замолчала и в ее глазах появилось какое-то неприятное чувство, словно она чего-то стесняется. — И не знаю, как я верила в это — вздохнула она — на протяжении целого года. Такую дуру еще поискать надо. — сказала она, опомнилась и слегка покраснела.

Я молча сидел и слушал. События для меня разворачивались быстро и интригующе. В уме уже забрезжила надежда, не сможет ли этот Петр Иванович свести меня с самим Черным монахом. Тем временем Анна продолжала:

— Схема его работы в принципе проста. — уже более спокойна говорила она. — Первые 2-3 занятия бесплатно. Потом появляются разные организационные сборы. Еще через 6-7 он рассказывает о том, что нужно собирать деньги на помощь его школе. Чтобы донести его драгоценную информацию до большего числа людей. Ну а на тех, кто задержался еще дольше, уже были другие планы. Их по сути делали рабами, заставляя работать на него с утра до вечера без какой-либо платы. Я была из тех, кто дошел до последней стадии. — она вновь закусила нижнюю губу и приняла из-за этого обиженный вид. — Я не знаю, сколько бы потратила там времени, если бы не один старик. — она сделала длинную паузу, видимо собираясь с мыслями и заговорила вновь — Один старичок с тросточкой встретил меня на улице. Я тогда агитировала проходящих людей за вступление в наше «братство» — с внезапной улыбкой сказала она. — И ко мне подошел этот седой, сморщенный старичок. Я как и всем остальным предложила ему нашу брошюрку, улыбаясь при этом специальной улыбкой. Нас этому обучали. А он смотрит на меня и говорит:

— Девочка и не стыдно тебе людям голову дурить?

В этот момент, со мной что-то произошло. — снова вздохнула она. — Как будто озарение. Я поняла, что не только людей дую, но и саму себя. Больше я туда не вернулась. В начале хотела сходить, помочь другим, таким же дурачкам как я. Но

поняла, что не смогу. Авторитет «учителя» — издевательски произнесла она. — слишком силен. Никто в нем даже не сомневается. Такая история. — закончила она и принялась закручивать на указательный палец свои светлые локоны.

— Интересно. — только и смог выдавить я под впечатлением от такой неожиданной искренности с ее стороны.

Сейчас я чувствовал себя чуть ли не ее давним другом. Мы были близки. Возможно она ощущала по-другому, но мне хотелось верить, что мои догадки были правдой.

— Ты заранее извини, за то, что я сейчас спрошу. — сказал я с ожиданием в голосе. — Но ты не могла бы рассказать, как найти этого Петра Ивановича. Вдруг он что знает о Черном монахе.

— Расскажу. — сказала она с готовностью. — Давай лучше напишу, где находится их штаб-квартира. — проговорила она уверенно, закончив фразу ослепительной улыбкой.

Она взяла один из простых карандашей, которые в избытке валялись на моем столе и скоро написала адрес. Я знал это место. Один из многочисленных дворцов культуры. Аренда в них — как я слышал — самая дешевая. Поэтому они и являются излюбленным местом для всяких начинающих сект и прочих эзотерических клубов. Я искренне поблагодарил ее и набравшись смелости, предложил поехать туда вместе. Она недолго думая, ответила своим привычным уверенным тоном:

— Я больше никогда туда не вернусь.

Наш разговор внезапно прервался. В офис вошел шеф. Мы сделали вид, что этой беседы не было и переключились на работу. Затем Анна взяла несколько моих чертежей и ушла дорабатывать их за своим столом.

Прошли три недели безостановочной работы. Заказ был проверен и поставлен на массовое производство. Наш экспериментальный отдел заслуженно отдыхал.

В первый же выходной я оделся и направился к автобусной остановке. Наверное впервые, мысли не останавливали меня. Страх почти не было. Я не стал, как случилось бы раньше, представлять предстоящий разговор с Петром Ивановичем. Не воображал себе страшных последствий. Я слишком сильно хотел найти Черного монаха. Ведь его советы буквально спасали мне жизнь.